

Н. Р. Сидоров

Психология девиантного поведения: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

На страницах нашего журнала мы вводим новую рубрику, в которой авторы могут сформулировать и обосновать свою собственную позицию по различным вопросам психологической теории и практики, не совпадающую с традиционными представлениями о них.

Редколлегия журнала

В подавляющем большинстве работ, посвященных теме девиантного поведения, оно определяется как поведение, нарушающее общепринятые социальные, моральные и другие нормы. Наличие устойчивых форм девиантного поведения объясняется большинством авторов особенностями психики индивида. Реже встречаются работы, в которых говорится о «ненормальности» общества и общественных отношений. Отдельно можно выделить исследования, в которых их авторы обращают внимание на то, что девиации проявляются при встрече конкретного человека с конкретной ситуацией. При этом реализуется попытка из анализа случайного вывести некие закономерности.

В каждом из этих подходов есть своя логика. Но каждый из них, к сожалению, формирует больше вопросов, чем дает ответов. Остановимся на наиболее проблемных зонах, встречающихся в определениях девиантного поведения.

1) Многоаспектность подходов к рассмотрению девиантного поведения (его социально-правовой, медицинский, этический, педагогический ракурсы) «затушевывает» его собственно психологическую проблематику. Чаще всего специальный психологический анализ плавно переходит в предметное поле этики.

2) Невозможно сформулировать исчерпывающие списки норм, нарушение которых можно было бы квалифицировать как девиантное поведение. Постулат о наличии «общепринятых» норм является скорее литературным приемом, чем явью: нормы относительны и варьируются в зависимости не только от культурно-исторических аспектов, но и от особенностей каждой отдельно взятой малой социальной группы.

3) Для иллюстрации проблемы авторы часто привлекают ярко выраженные и экстремальные случаи девиантного поведения, часто обусловленные психическим нездоровьем, или преступления. Выводы, основанные на анализе таких «крайних» случаев, далеко не всегда типичны для образовательных учреждений и применимы в повседневной работе школьного психолога. Наши

Николай Русланович Сидоров окончил факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат психологических наук.

Работал директором Экспериментального комплекса социальной помощи детям и подросткам «Лосинный остров» Московского департамента образования — первого специального учебно-воспитательного учреждения открытого типа для детей и подростков с девиантным поведением.

В 1999 году был удостоен премии Президента РФ в области образования за разработку и внедрение концепции «Система психолого-социального обеспечения развития столичного образования» для общеобразовательных учреждений и психолого-педагогических центров г. Москвы.

С 2002 года и по настоящее время работает заведующим лабораторией «Психологические проблемы детей с девиантным поведением» Московского городского психолого-педагогического университета. Им была разработана и прошла успешную апробацию методика раннего выявления детей и подростков группы риска по их социальной адаптации и личностному становлению. Имеет многочисленные публикации по проблемам девиантного поведения и социальной дезадаптированности несовершеннолетних. Сфера научных интересов — психология отклоняющегося поведения и философия образования.

девиации «мягче», разнообразнее и по этой причине многочисленнее, они больше походят на выраженные проявления дезадаптированности, чем на злонамеренность.

Все вышеизложенное позволило сначала сформулировать, а затем начать проверку в лаборатории психологических проблем детей с девиантным поведением МГППУ двух взаимосвязанных идей:

1) девиантное поведение — это устойчивое деструктивное поведение индивида, последовательно нарушающее сложившуюся систему межличностных взаимодействий и общения в человеческой общности, к которой принадлежит он сам ¹;

2) психологической основой девиантного поведения индивида являются некоторые характерные особенности его смысловых отношений к окружающим людям и себе, а важной предпосылкой девиантного поведения является снижение регулирующей роли сознания в организации социальных взаимодействий.

Традиционно мы пытаемся оценивать поведение школьника по некоей *абсолютной шкале нравственности*. Но недисциплинированность — это не преступление или правонарушение. К тому же нельзя отрицать очевидное: у каждого из учителей есть свои собственные требования. В школе есть *правила*, которые не абсолютны, а нарушение *школьных правил* и нарушение *нравственных норм* — это далеко не одно и то же.

В рамках нашего подхода заключения о степени девиантности поведения подростка выносятся на основании характера его участия в конкретных ситуациях совместной деятельности. Здесь мы основываемся на том, что совместная деятельность предполагает получение *полезного результата*, как для группы участников, так и для каждого из них отдельно. Поведение, разрушающее нормальное течение процесса совместной деятельности, есть поведение, отклоняющееся от нормы, поэтому оно будет девиантным.

Такой подход мы считаем более продуктивным, поскольку он позволяет как преодолеть некоторые терминологические сложности, так и достичь большей определенности в оценке девиантного поведения индивида. С этих позиций беготня на перемене или случайно разбитое стекло не являются девиантным поведением.

Современный подросток входит в состав нескольких малых групп одновременно: семья, класс, дворовая компания, группа сверстников «по интересам». И в каждой из этих групп можно отметить особые цели совместной деятельности, характерные способы и приемы взаимодействия и общения. Подросток может переносить из одной такой группы в другую своеобразные и «не нормальные» для новой социальной ситуации способы взаимодействия. Это — момент де-

заадаптированности, очень похожий на девиацию. Про девиантное поведение можно будет говорить только в случае так и не состоявшейся адаптации.

Под социальной дезадаптированностью индивида надо понимать его *неспособность* отвечать адекватным образом на предъявляемые к нему требования, которые основаны на ожиданиях, соответствующих его социальному статусу, занимаемому месту в системе сложившихся взаимоотношений и индивидуальным возможностям [8]. То есть, важной психологической чертой дезадаптации является *непреднамеренность* в получении негативного результата. Всем педагогам знакомы случаи временных *ошибок* или *неумений* их учеников, отличных от девиаций — устойчивых во времени деструктивных тенденций.

Дети и подростки, входя в малые социальные группы, одновременно являются членами сообщества более высокого уровня, к которому относятся малые группы. Так, учащиеся класса входят в коллектив своей школы, семья входит в более широкий клан родственников, дворовая компания воспринимается как «молодежь» деревни, района, города и т.д.

В сообществах высокого уровня нет совместной деятельности в форме непосредственного взаимодействия, но есть общение, содержание которого основано на ожиданиях одних индивидов в отношении других в соответствии со статусом тех и других.

Всех нас связывает, или, скорее, должно связывать общее культурное пространство, в котором мы вместе находимся. На этом уровне девиантное поведение проявляется в деструктивных нарушениях общения и/или в других деструктивных поступках. (Кстати, чье-то девиантное поведение вызывает *мою* острую эмоционально негативную реакцию именно потому, что оно разрушает *мои* ожидания, *мои* ценности.)

Вообще надо сказать, что мысль об определении девиантного поведения как поведения деструктивного не нова, ее высказывали разные авторы. В частности, Э. Фромм [9]. Но он, на наш взгляд, недостаточно полно описывает психологические механизмы деструктивного человеческого поведения, останавливаясь на понятии характер:

«...*Характер — это относительно постоянная система всех неинстинктивных влечений (стремлений и интересов), которые связывают человека с социальным и природным миром. Можно понимать характер как человеческий эквивалент животному инстинкту; как вторую натуру человека* ² [9; 295]. Поскольку характер формируется на основе традиции, он нередко направляет человеческое поведение, минуя разум, и потому он может мешать социальной адаптации и порою приводит субъекта в состояние прямого противодействия новым условиям бытия [9; 332]».

¹ Обратим внимание на то, что в предложенном определении *существенной чертой девиантного поведения является его деструктивный характер*, вместо «отклонения от моральных норм».

² Выделено курсивом в оригинале текста.

Исходя из данного нами определения, психологической основой девиантного поведения индивида мы считаем некоторые характерные особенности *системы его смысловых отношений* к окружающим людям и себе. Становление и содержание этой психологической категории описаны О.В. Лишиным в его монографии «Педагогическая психология воспитания» [6].

Отношение любого человека к другим людям (его оценка других людей, степень доверия к ним и т.п.) может варьировать от крайне отрицательного до сверхположительного. То же можно сказать и по поводу отношения к себе. Исходя из этого, мы провели исследование системы данных отношений у подростков двух групп:

1) характеризующихся девиантным поведением (экспериментальная группа);

2) характеризующихся отчетливо выраженным просоциальным поведением (контрольная группа).

Диагностика проводилась с помощью методики, предложенной И.Д. Егорычевой [3]. Группы формировались на основании анализа документов и по результатам экспертной оценки. Экспериментальную группу составили учащиеся специальных общеобразовательных школ для детей с девиантным поведением Департамента образования города Москвы, а контрольную группу — учащиеся массовых общеобразовательных школ. Эти группы были выровнены по полу и возрасту.

Выделим и прокомментируем некоторые полученные в данном исследовании результаты (см. Табл. 1).

Параметр «Я+О+» отражает позитивное отношение респондента к людям в сочетании с принятием самого себя. Подросток с такой направленностью признает право каждого на свободное самоопределение как индивидуально, так и в группе. Результаты нашего исследования показывают, что такой тип смысловых отношений у подростков из контрольной группы встречается чаще, чем у подростков из экспериментальной группы (статистически значимые различия на уровне $p=0,01$).

Параметр «Я+О-» объясняется О.В. Лишиным так: «...В центре внимания личности находится она сама, вся ее активность сосредоточена на себе, собственных

интересах, проблемах; личность стремится к признанию обществом ее особой ценности... Человек с таким типом направленности очень требовательно подходит к оценке другого, принимая его в целом настолько, он похож на него самого, насколько он разделяет его симпатии и антипатии» [6, с. 32].

Мы сочли интересным выделить из всех результатов одну составляющую *динамической системы смысловых отношений подростков*, участвовавших в нашем обследовании, — их отношение к обществу в целом (параметр «О»). Это тем более интересно, что в подростковом возрасте — как отмечают едва ли не все авторы — отношение к другим людям противоречиво, неустойчиво, избирательно. Результаты по данному параметру показали статистически значимые различия, но важнее, что анализируемые показатели *имеют полярную направленность*: у просоциальных подростков отношение к обществу, к другим людям окрашено позитивно, тогда как у их девиантных сверстников — негативно.

При этом подростки из обеих групп выдают желаемое за действительное, отвечая на вопросы примерно одинаково. Хотя просоциальные дети делают это чаще.

Динамическая система смысловых отношений является, по нашему мнению, необходимым, но недостаточным условием для формирования поведения по девиантному типу: здесь «работают» и другие психологические механизмы.

Нетрудно заметить, что образ мира, личностные ценности, самооценка (в самом широком смысле), организация целенаправленной продуктивной активности — все это теснейшим образом взаимосвязано в психике человека. И процессы, связывающие все эти стороны сознательной психики — процессы мышления. Во многих работах, посвященных проблемам девиантного поведения, высказывается та мысль, что отклоняющееся, в первую очередь, противоправное поведение несовершеннолетних обусловлено недостатками их мышления. С этим нельзя согласиться (и дело даже не в том, что плохо соображающих просоциальных подростков огромное количество): по нашему мнению, психологической предпосылкой девиантного поведения служит *дефект содержания* сознания, а не *дефект* мышления как *процесса*.

Параметры	Числовые значения результатов: математическое ожидание и отклонения		U-критерий Манна-Уитни
	Экспериментальная группа	Контрольная группа	
Я+О+	5,33±1,66	6,4±1,8	222 (p=0,01)
Я+О-	6,14±1,37	5,44±1,21	222 (p=0,01)
О	-0,37±3,7	1,63±4,15	265 (p=0,08)
Ложь	3,26±2,15	3,85±1,81	311 (p=0,35)

Таблица 1. Отношение к себе и другим людям подростков экспериментальной и контрольной групп

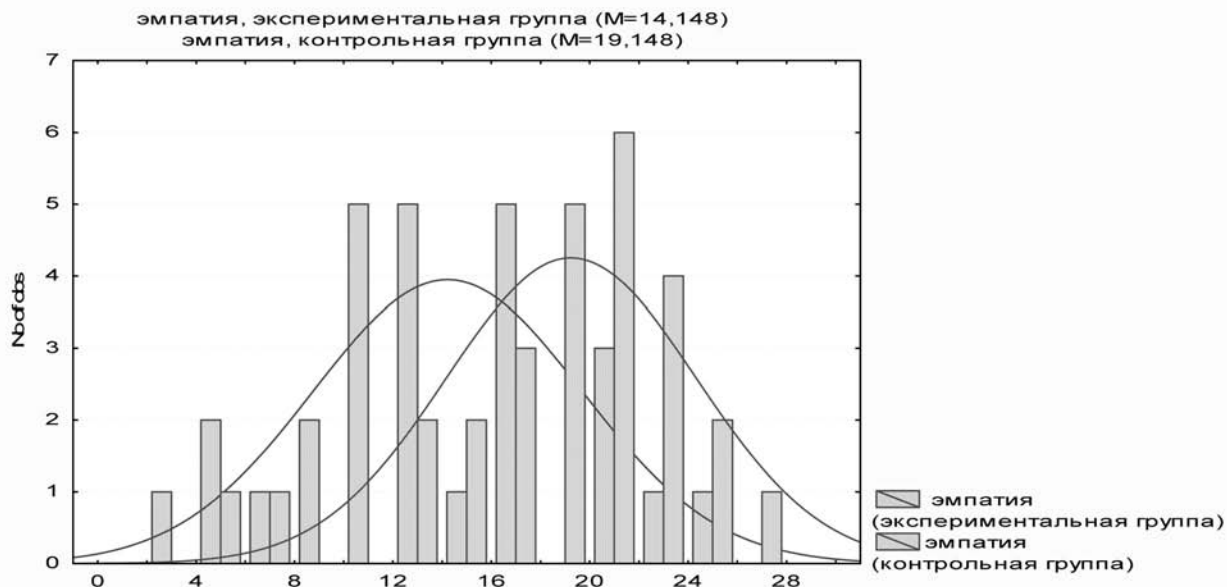

Рисунок 1. Значения уровня эмпатии подростков экспериментальной и контрольной групп

Наши собственные исследования в этом направлении также дали интересные результаты. В частности:

- способность к эмпатии у подростков с девиантным поведением значимо ниже, чем у их просоциальных сверстников;
- структура «Я-концепции» у девиантов также отличается (см. Рис. 1 и 2).

На Рис. 1 представлены результаты исследования уровня эмпатии у подростков экспериментальной и контрольной групп (статистически значимые различия на уровне $p=0,01$). Полученные в этом исследовании результаты хорошо совпадают с данными, которые приводит в своей монографии Р. Блэкборн [2].

На Рис. 2 представлены результаты выполнения теста «Кто Я?». Здесь прежде всего надо отметить, что подростки из экспериментальной группы были значительно менее успешны, чем их сверстники из контрольной группы — первыми задание было выполнено менее чем на 60%. Мы интерпретируем этот факт так: план саморефлексии у подростков первой группы в целом гораздо беднее. А это — прямой показатель эффективности «работы» сознания по психической регуляции человеческой деятельности вообще. Не менее показательны и различия в самой структуре «Я-концепции» подростков-мальчиков (у девочек такой картины не наблюдается): у девиантов относительный вес их суждений о своей социальной диспозиции составляет всего одну треть часть всех суждений.

У просоциальных мальчишек данный показатель выше. И, учитывая различия в общем количестве суждений, сделанных теми и другими, мы отмечаем выраженную бедность саморефлексии девиантных подростков по поводу их социальной роли и социаль-

ного статуса. Их самооценка, если такая вообще может быть ими сформулирована, чаще относится к оценке своих «кондиций»: «Я веселый», «Я сильный» и т.д.

Мы считаем, что все вышеизложенное: суждения об особенностях проявлений девиантного поведения, высказанные другими авторами, и результаты наших собственных исследований подтверждает нашу гипотезу о том, что предпосылкой девиантного поведения подростков является снижение регулирующей роли сознания в организации их социальных взаимодействий.

Вернемся к первой из выдвинутых нами идей: *девиантное поведение есть деструктивное поведение, разрушающее межличностное взаимодействие и общение*. Здесь мы готовы утверждать, что межличностное взаимодействие в какой-либо совместной деятельности осуществляется, в первую очередь, посредством обмена идеями. В том числе и тогда, когда эти идеи материализованы. Например, в виде чувственно воспринимаемого индивидуального вклада в общее дело. Сниженная способность индивида к восприятию и пониманию чужих идей, а также к продуцированию собственных осложняет совместную деятельность. Если такие случаи происходят постоянно и, более того, совершаются преднамеренно, то взаимодействие и общение в совместной коллективной деятельности разрушаются.

В завершении статьи хочется внести два уточнения:

1) здесь мы не рассматривали особую категорию предпосылок делинквентного и криминального поведения — *злонамеренность* субъекта деятельности; это совсем другой аспект темы девиантного поведения;

2) в упомянутой выше книге Р. Блэкборна есть такие слова: «...Маловероятно, что специфические черты,

Точка зрения

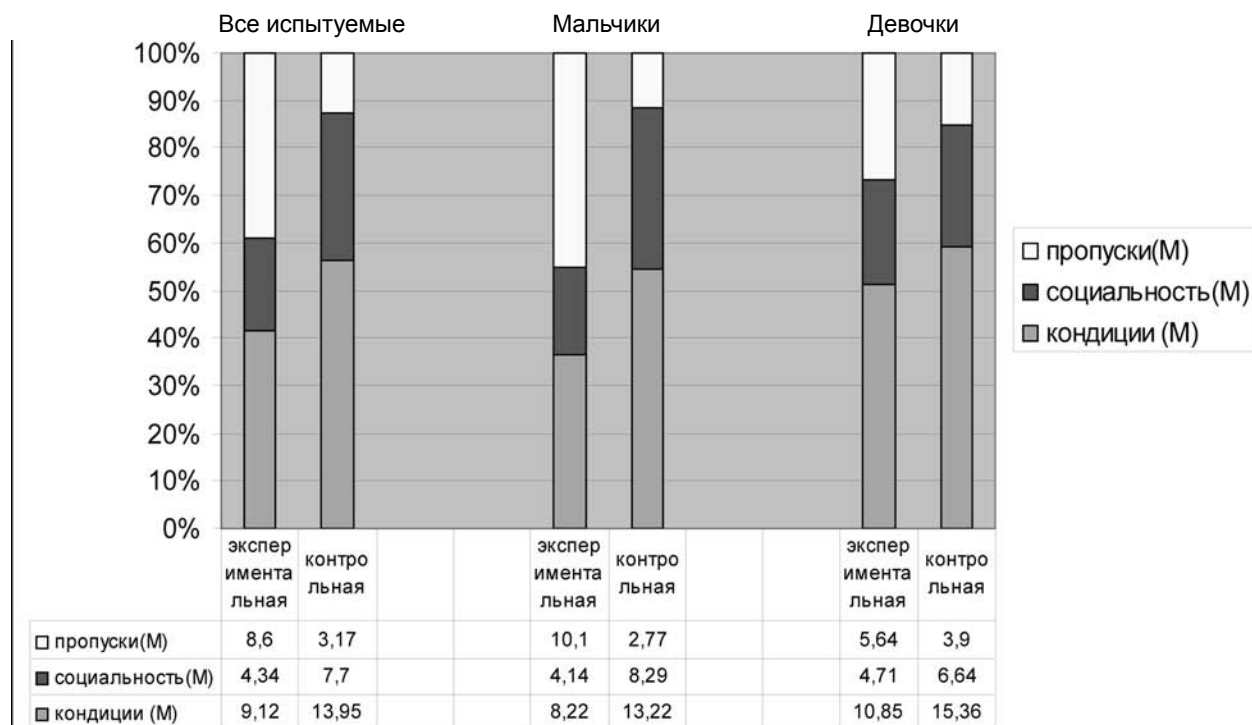

Рисунок 2. Структура «Я-концепции» подростков экспериментальной и контрольной групп

взятые в отдельности, могут быть значимыми опосредующими факторами совершения преступления, однако исследования взаимодействий между личностными переменными остаются скорее исключением, чем правилом» [2, с. 227]. С поправкой на то, что в данной работе рассматривались предпосылки девиантного поведения, ни в коей мере не являющегося правонарушающим, мы попытались «исследовать взаимодействие между личностными переменными».

Подводя итоги сказанного выше, еще раз подчеркнем, что девиантное поведение индивида рассматривается нами как деструктивное поведение, последовательно нарушающее сложившуюся систему межличностных взаимодействий и общения в той социальной группе, к которой он сам принадлежит. Такой подход к исследованию феноменологии и причин девиантного поведения несовершеннолетних является более продуктивным в психологическом плане, чем традиционное определение через «отклонения от моральных норм».

Психологической основой девиантного поведения подростка выступают особенности эмоционально-когнитивного комплекса личности, заключающиеся в следующем:

а) в характерных особенностях динамической системы смысловых отношений: отсутствие эмоционально положительного отношения к окружающим людям;

б) в ослабление роли сознания в регуляции социальных взаимодействий с окружающими.

При этом снижение роли сознания в регуляции со-

циальных взаимодействий не приводит к «замиранию» психической деятельности индивида, но переводит ее на другой уровень — уровень *рассудочной регуляции*, который скорее адекватен жизнедеятельности в предметной среде, чем в среде социальной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений. — Москва-Воронеж, 1997.
2. Блэкборн Р. Психология криминального поведения. — СПб., 2004.
3. Егорычева И.Д. Личностная направленность подростка и метод ее диагностики // Мир психологии, — 1999, № 1. — С. 264–277.
4. Крушинский Л.В. Биологические основы рассудочной деятельности. — М., 1986.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М., 2007.
6. Лишин О.В. Педагогическая психология воспитания. — М., 2003.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. — М., 1989.
8. Сидоров Н.Р. Проблемы социальной дезадаптации несовершеннолетних. — М., 2004.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М., 2007.
10. Чуприкова Н.И. Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки // Вопросы психологии. — 2004. № 2. — С. 104–118.